

Перемирие после Первой Войны Шиноби было напряженным миром, похожим на поле битвы, где все еще висел густой дым. Пять великих наций, избитые и израненные, залечивали свои раны. Каждая деревня шиноби потеряла элитных бойцов, их людские ресурсы истощились. Война была невозможна, особенно против другой Великой Нации. Но мир имеет забавную особенность порождать свои собственные проблемы. Двадцать лет вынужденного спокойствия привели к экономическому буму в некоторых странах, но для других это был путь к катастрофе. Богатые деревни становились еще богаче, а бедняки становились все более ожесточенными. Обида закипела, и шепоты о «справедливой доле» превратились в крики о «захвате земель!» Вскоре под надуманными предлогами образовались союзы. «Скрытый Лист», демонстрируя вновь обретенную экономическую мощь, говорил о пограничных спорах, в то время как Песчаная Деревня ворчала об исторических претензиях. – Это была игра за власть, отчаянная борьба за ресурсы, прежде чем колодец иссякнет. И тут разразилась буря. Разразилась Вторая Война Шиноби, водоворот стали и чакры, охвативший мир ниндзя. Это не была война, которую вели легендарные личности прошлого. Хаширама Сендзю, Бог Шиноби, давно ушел вместе со своим братом Тобирамой. Большая часть клана Сендзю была уничтожена, остались только Цунаде, молодая женщина с потрясающим талантом к медицинскому дзюцу, и ее младший брат Наваки. У Наваки, благослови его сердце, был большой энтузиазм, но нулевая осведомленность о поле боя. Он жаждал проявить себя, но войну не волнуют мечты и потенциал. Один неверный шаг, одно неоправданное доверие, и Наваки исчез, жертва юношеской неопытности. Опустошенная Цунаде направила свое горе в свое дзюцу. Она воочию была свидетельницей кровавой бойни, той жестокой эффективности, с которой уничтожались молодые жизни. Именно тогда у нее развился ужасающий страх крови, постоянное напоминание о жестокости войны. Но среди тьмы рождались легенды. Молодой Джирайя с его озорной ухмылкой и набором дзюцу, от которого покраснела бы жаба, объединился со стойком Орочимару, чья жажда знаний уже граничила с одержимостью. Завершает трио сама Цунаде, ее медицинское ниндзюцу стало маяком надежды на поле битвы. Они называли себя Санниннами, легендарным трио, первой командой, которая по-настоящему осознала важность преданного целителя. Конечно, это была не единственная история. На арене войны появился еще один феноменальный ниндзя. Хирузен Сарутоби, будущий Третий Хокаге, получил прозвище «Бог Шиноби» за свои беспрецедентные навыки. Сакумо Хатаке, Белый Клык Конохи, представлял собой вихрь стали, а его клинок — пятно смертельной точности. Ходили слухи, что он сможет сразиться со всеми тремя санниннами одновременно и остаться невредимым. За пределами Конохи другие деревни могли похвастаться своими героями. Лорд Му, суровый лидер Скрытого Камня, на его обветренном лице отпечаталась тяжесть бесчисленных сражений. Третий Райкаге, обладатель грубой силы, закрепил за собой звание величайшего Райкаге в истории Кумогакуре. Скрытый Туман породил грозных Семь Мечников Тумана, каждый из которых владел уникальным клинком и сердцем холодным, как море. Деревня Песка дала волю грозному Казекаге, мастеру манипулирования Железным Песком, его контроль над металлическими частицами столь же смертоносен, как и любой клинок. Но война, как голодный зверь, требовала жертв. Наваки Сендзю, младший брат Цунаде, погиб в трагической катастрофе, которую можно было избежать, в результате собственной неопытности. Эта потеря, в сочетании со смертью ее возлюбленного, Дэна Като, во время войны, вселила в Цунаде парализующий страх крови, жестокий поворот судьбы для Мастера Медицинского Ниндзюцу. Тем не менее, среди пепла возникли легенды, готовые сформировать будущее мира ниндзя. ~ ~ Учиха были бесспорными титанами мира ниндзя, кланом, чье мастерство могло соперничать даже с легендарным Сендзю. Но после того, как Сендзю были трагически уничтожены коалицией убийц, Учиха оказались в неудобном центре внимания. По Деревне Скрытого Листа пронесся шепот: неужели Учиха слишком сильны? Содержали ли их глаза Шарингана потенциал, который угрожал хрупкому миру деревни? Бремя этих подозрений легло на плечи Учиха. В конце концов, Хаширама Сендзю, сам Бог Шиноби, и его брат Тобирама были удостоены таких титулов не просто так. Даже

нынешний Хокаге, Хирузен Сарутоби, сам по себе гений, бледнел по сравнению с этими двумя титанами на пике карьеры. Легенды говорили о Хашираме, Боге Шиноби, владеющем Стихией Дерева и способном изменять форму гор одним движением запястья. Мадара Учиха, его соперник и будущий товарищ по команде, обладал Мангекё Шаринганом, глазной способностью и продвинутой версией Шарингана, которая позволяла ему манипулировать разумом чудовищных Хвостатых Зверей, существ настолько могущественных, что они могли сравнять с землей целые деревни. Говорили, что Хаширама мог подчинить хвостатых зверей своей Стихией Дерева, обращаясь с ними как с огромными игрушками. Память о такой силе стала пугающим напоминанием для других деревень и поводом для скоординированной атаки на Сендзю. В нынешнюю эпоху Учиха ошестинились под бдительным взглядом деревни. Решение Тобирамы Сендзю переместить свой клан на окраину Конохи было горькой пилюлей, которую пришлось проглотить. Это было похоже на предательство, на постоянное напоминание о том, что они больше не равны в деревне, которую помогли построить. Стыд разъедал их гордость, гноящаяся рана грозила прорваться. Тем не менее, несмотря на кипящее недовольство, открытое восстание не рассматривалось. Продолжалась Вторая Война Шиноби, жестокий конфликт, потребовавший всей силы Конохи. Учиха это понял. Выживание было превыше всего. Каждый клан, каждая семья теряли близких. Сейчас не время для внутренних распрей. Один проблеск надежды замерцал в лице Кагами Учихи, уважаемого старейшины и близкого доверенного лица Хокаге Хирузена. Кагами выступал в качестве моста между двумя фракциями, защищая Учиха, сохраняя при этом их лояльность деревне. Он верил в мирное сосуществование, мечту, которая выиграла драгоценное время Учиха, хотя угли негодования продолжали тлеть под поверхностью. ~ ~ Прохладный ночной воздух Конохагакуре проносился по району Учиха, неся слабый аромат цветущей вишни. Внутри традиционного деревянного дома назревала совсем другая буря. Учиха Ризе, чьи волосы цвета воронова крыла прилипли ко лбу от пота, боролась с первобытной болью. - Сволочь! - кричала она, звук был грубым и отчаянным. - Это ваша вина! Вся эта боль из-за ВАС! Ты никогда больше так не сделаешь, ты меня слышишь? НИКОГДА! Кадзухито, ее муж, почувствовал укол страха среди агонии, отразившейся на лице Ризе. Он крепко сжал ее руку, вздрагивая от ее криков. В его голове проносились невысказанные мысли. — Разве ты не хотела ребенка, Ризе? Почему это вдруг моя вина? Он не осмелился произнести эти слова, проблеск самосохранения предупредил его о возможных последствиях. В 23 года Кадзухито Учиха уже был опытным джонином, но это поле битвы казалось ему чуждым. Он был совершенно не в себе. - Вот, вот, - пробормотал он дрогнувшим от беспомощности голосом. - Все будет хорошо. Еще немного, ладно? Его слова, как ни странно, произвели успокаивающий эффект. В комнате воцарилась тишина, прерываемая лишь прерывистым дыханием Ризе. Затем воздух наполнился новым звуком — слабым, дрожащим криком. Детский крик. Кадзухито охватило облегчение. Сын! Он сжал руку Ризе, искренняя улыбка прорвалась сквозь беспокойство, запечатленное на его лице. - Ризе, - прошептал он глубоким от волнения голосом. - Ребенок здесь. Это мальчик. Разве ты не хотела дать ему имя, если бы это был мальчик? Лицо Ризе, бледное от напряжения, смягчилось нежной улыбкой, когда она посмотрела на крошечный сверток в руках акушерки. - Шун, - прохрипела она слабым, но твердым голосом. - Его зовут Сюн Учиха. Улыбка Кадзухито стала шире. - Шун! Идеальный! Сильное имя для сильного сына! - Он выжидающе посмотрел на Ризе, желая поделиться своей радостью. Но что-то было не так. Улыбка на лице Ризе осталась, но в ее глаза закралась ужасающая пустота. Кровь Кадзухито похолодела, когда он потянулся к ее руке, его голос дрожал. - Ризе? Ризе, что случилось? - Ризе? - позвал он, и в его голосе прокралась дрожь. Ее рука, которую он держал, обмякла. Его охватила паника. - Ризе! - крикнул он, его голос был дрожал от страха. Ответа не последовало. Тело Ризе лежало неподвижно, резко контрастируя с вопящим младенцем на руках акушерки. Шун, словно почувствовав изменение энергии своих родителей, издал душераздирающий крик. Кадзухито задохнулось от горя. Слезы навернулись на его глаза, затуманивая зрение. А потом перемена. Его глаза, охваченные печалью, вспыхнули алым. В каждом Шарингане крутились три черных

томоэ, бешено вращаясь. Акушерка, женщина по имени Миюки Учиха, осталась на удивление спокойной перед лицом этой внезапной трагедии. Она встретилась с горящими глазами Кадзухито с непоколебимой решимостью. - Успокойся, Кадзухито, - сказала она твердым, но нежным голосом. - Я знаю, что это сложно. Но Ризе осознавал риск. Она решила родить тебе сына, зная, что может случиться. Челюсти Кадзухито крепко сжались. Его Шаринган горел смесью горя и ярости. - Ты знал об этом, - прорычал он, его голос был пронизан обвинением. - Ты знал, что она может умереть, и не сказал мне! Миюки, не смущенная его вспышкой, активировала свой Шаринган. Три черных томоэ отражали его, спокойная интенсивность сменила бешеную ярость Кадзухито. - Понижь голос, Кадзухито, - скомандовала она, ее голос не терпел возражений. - Не поднимай его на меня. Я понимаю твою боль, но помни свое место. Это одна из любезностей, которую я вам окажу. Не испытывай меня снова.

<http://tl.rulate.ru/book/107333/3920815>